издательство аст
Москва

Перевод с норвежского Александры Ливановой

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44
Я46

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Перевод книги был осуществлен при финансовой поддержке NORLA.

Якобсен, Рой.
Я46 Чудо-ребенок : роман / Рой Якобсен ; пер. с норв. А. Ливановой. — Москва : АСТ : CORPUS, 2015. — 288 с.

ISBN 978-5-17-082701-5

Новый роман норвежца Роя Якобсена “Чудо-ребенок” чем-то похож на прошлые
его книги, но стоит особняком. На этот раз перед нами page turner — драма, кото-
рая читается на одном дыхании. Фоном ей служит любовно и скрупулезно воссоз-данный антураж шестидесятых — это время полных семей и женщин-домохозяек, время первых спальных пригородов, застроенных панельными четырехэтажками,

это первые нефтяные деньги и первые предметы роскоши: обои, мебельные стен-ки и символ нового благоденствия — телевизор. Полет Гагарина, Карибский кри-зис и строительство Берлинской стены, убийство Кеннеди… Герой книги, умный и нежный мальчик Финн, счастлив. Его растит мама, потому что папа-крановщик ушел от них, а потом и вовсе погиб. В эту осень их с мамкой жизнь меняется пол-ностью — не успевают они сдать комнату жильцу и начать к нему привыкать, как им

на голову сваливается странная маленькая девочка — сводная сестра Финна. При ней только крохотный чемоданчик, а в нем— “бомба”, которой еще суждено будет взорваться. Так начинается эта щемящая история любви, верности и предательства.

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-17-082701-5

© Cappelen Damm As, 2009
© А.Ливанова, перевод на русский язык, 2015
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
© ООО “Издательство АСТ”, 2015
Издательство CORPUS ®

5

Глава 1

Н

ачалось всё с того, что мы с мамкой затеяли
ремонт. Я, потому как ростом не вышел, ма-
левал стенку снизу, еще та работенка, а мамка, подставив кухонный стул, шерудила под по-толком. Чтобы одну только стенку докра-
сить, времени пришлось бы угрохать несколько меся-цев. Но как-то вечером фру Сиверсен заскочила по-смотреть на наши труды, сложила руки на обтянутой платьем огромной груди и сказала:
— Слышь, Герд, тебе, может, обойчики поклеить, а?
— Обои, тут?
— Ну да, вот зайди ко мне.
И мы пошли все вместе к фру Сиверсен, у нее квар-тира была прямо напротив нашей, но раньше я у нее ни-когда не бывал, хоть мы и жили бок о бок много лет; с ее дочкой, Анне-Берит, мы даже учились в параллель-ных классах, а младших, шестилетних двойняшек, мамка любила ставить в пример, если надо было мне попенять. Это называлось: “Вот посмотри на Рейдун с Мо-ной”, но мамка и Анне-Берит часто поминала, благо она, если верить фру Сиверсен, куда больше любила

6

рой якобсен чудо-ребенок

сидеть дома, где готов и стол, и кровать, а не шляться

по улицам, где бурлящая жизнь разбросала между кор-пусами куски облицовки, кирпичной кладки и чере-пицы, засыпала ими поросшие травой пустыри с ост-роконечными пеньками, поваленными деревьями, не-огороженными ручьями, густым колючим кустарником и укромными глинистыми тропками, где так и тянуло развести костер из толя, вара и ломаных досок и стро-ить шалаши в два этажа, а то и выше, за обладание ко-торыми разыгрывались нешуточные баталии между великими и непобедимыми; эти строения рушились от одного слова или взгляда, так что назавтра их при-ходилось отстраивать заново, но только всегда не тем,

кто их развалил. Ломал всегда тот, кто не строил, это я должен сказать, потому что сам, совсем еще малец,

был из строителей и пролил немало слез над нашими дворцами, поверженными в руины; несть числа было планам покарать злодеев страшной местью, но ванда-лам нечего терять, кроме куража и широких ухмылок,

и уже в этом нежном возрасте было видно расслое-ние на тех, кому есть что беречь, и тех, у кого сро-ду ничего не имелось, включая планы чем-то обзаве-стись. Этот мир был не для Анне-Берит с сестренками: они не строили и не ломали, а только сидели на кухне за столом и ужинали круглые сутки, как мне показалось,

и в данный момент делали это под предводительством господина Сиверсена, он сидел во главе стола в майке-сеточке, разложив сброшенные с плеч подтяжки по сво-им внушительным бульдозерным ляжкам, вздымавшим-ся над сиденьем хлипкого стула.

На стенах гостиной семейства Сиверсенов мы впер-вые увидели обои в крупный цветочный рисунок, кото-рые в шестидесятых превратили дома норвежских рабо-

глава 1

7

тяг в небольшие тропические джунгли, с пристроивши-мися среди лиан шаткими книжными стеллажами: полки из тика на пижонистых латунных дужках, и угловым ди-

ваном в коричневую, бежевую и белую полоску, осве-щенным маленькими потайными лампочками, смон-тированными с нижней стороны полок и мерцавшими наподобие небесных тел. Во взгляде матери я читал хо-лодноватую отрешенность: поначалу девчоночий вос-торг, длившийся обыкновенно, по моему опыту, три — четыре секунды, а потом естественным образом пере-ходивший в нерешительность, которая, в свою очередь, сменялась привычной трезвой практичностью: — Нет, у нас на это денег нет. Мы такого не можем себе позво-лить. Или: “Такие вещи не для нас”, и т. д. А в те време-на много чего было “не для нас” с мамкой, ведь она ра-ботала всего полдня в обувном магазине на Ватерлан-не, имея идею быть дома, когда я прибреду из школы, и не имея поэтому средств отослать мальчишку куда-ни-

будь на каникулы, как она это всякий раз формулиро-вала по весне… будто я только и мечтал быть отослан-ным, а не хотел быть дома, с мамкой, и летом тоже; у нас во дворе многие оставались в городе на все лето, хоть

и считалось хорошим тоном притвориться, будто это не так или, по крайней мере, будто тебе и не хочется ехать ни в какой отпуск.
— Это же, наверное, колоссальная трата? — спросила мамка, воспользовавшись словом, которое было у нас в ходу только для разговоров с чужими; между собой мы говорим дорого, и именно это имеем в виду.
— Да вовсе нет, — сказала фру Сиверсен, любитель-ница шведских дамских журналов — в противополож-ность мамке, которая читала только норвежские, — и, вытащив стопку номеров с запрятанного в тропи-

8

рой якобсен чудо-ребенок

ческом лесу стеллажа, стала листать их в поисках одного

репортажа из Мальмё; не отрываясь от дела, она крик-нула мужу, чтобы он пришел с кухни и нашел квитан-ции, надо их показать Герд.
Пока господин Сиверсен, пробормотав “ладно”
с искренне благодушным и доброжелательным видом, слегка вперевалку пробирался к тиковой стенке, чтобы выдвинуть ящик, где вряд ли поместилось бы что-ни-будь, кроме рекламных проспектов, я разглядывал это-го верзилу, ощущая исходящий от него резкий спе-цифический запах взрослого и тяжело вкалывающего мужика, и думал, как часто думал, сталкиваясь с этим

великаном в подъезде или в общей мастерской в под-
вале, что, может, оно и ничего, не иметь отца, хоть

господин Сиверсен и был добродушен и нестрашен и всегда находил, что сказать приятного о вещах, ко-

торые мне были интересны. Иными словами, заслуга правильного воспитания трех девиц, которые сейчас по-прежнему без лишних разговоров тщательно пере-жевывали пищу, украдкой бросая на нас взгляды, при-
надлежала его жене.

Интересно, что мамка с ходу не нашла аргументов про-тив этих обоев; они вовсе не вылились ни в какую осо-бую “трату”, и куплены они были ничуть не в Швеции, а у нас тут, в микрорайоне Орволл, в обычном хозяй-ственном, который втиснулся рядом с банком, трико-тажным магазином фабрики Агда и продмагом Мюк-лебуста, где мы иногда покупали продукты, когда по ка-кой-либо причине не закупились у Лиена на Траверском шоссе или у Омара Хансена на Рефстадской аллее, и где до прошлого года мамка арендовала ячейку в морозиль-

глава 1

9

нике, пока это не стало слишком дорого… или пока не оказалось, что мы не знаем, на что она нам нужна,

то было время Берлинской стены и президента Кен-неди, но прежде всего — эпоха Юрия Гагарина, рус-ского парня, который потряс весь мир тем, что отпра-вился на верную смерть, а вернулся живым. Кстати, в те времена “ягуар” модели Mark II стоил 49 300 норвеж-ских крон, я этот факт привожу здесь не как курьез, а по-тому, что я своими глазами видел и ценник, и сам ав-

томобиль на автовыставке на ипподроме Бьярке и так и не смог этого забыть; видимо, цена потому так засела у меня в голове, что я знал: наш первый взнос за квар-тиру в жилкооперативе был 3 200 крон и, значит, “ягуар” стоил столько же, сколько шестнадцать квартир, целый наш дом, иначе говоря. И что система приравнивает автомобиль к домашнему очагу семидесяти шести че-ловек всех возрастов, из плоти и крови, ну, например,

ко всей нашей трёхе, — откровения такого рода сно-сят тебе в детстве голову примерно как товарный поезд, так что потом их уж ничем не вытравишь; взять хотя бы запахи, в каждой семье свой, сразу узнаваемый, все эти лица и голоса, одежда и жесты, неслаженный хор чле-нов жилкооператива, как они сидят, засучив рукава,

и наворачивают обед и пререкаются или смеются, или плачут, или помалкивают и пережевывают каждый ку-сочек по тридцать два раза с каждой стороны. Что про-тив всего этого есть у какого-то “ягуара”? Револьвер в бардачке? Да в лучшем случае. Ох, как я много думал о том автомобиле, излишне много, вероятно; он был бутылочно-зеленого цвета.
— Ну еще, конечно, клей надо, тоже расход, — вста-вила фру Сиверсен, как если бы ей вдруг пришло в го-лову, что как-то все слишком гладко получается.

10

рой якобсен чудо-ребенок

— Да нет, — встрял было господин Сиверсен, кото-
рого, как теперь выяснилось, звали Франк, потому что фру Сиверсен вдруг резко вскинулась: “Что ты болта-ешь, Франк?” — и, забрав у него квитанции, принялась изучать их критическим взором через черные как сажа

шестигранные очки — отыскать их среди голубеньких фарфоровых статуэток и овальных оловянных пепель-ниц, заполнивших полку за полкой, где, по моему мне-нию, должны были бы стоять книжки, оказалось делом непростым; да держали ли вообще книги в этой семье? Но Франк только равнодушно пожал плечами, улыб-нулся мамке и, опустив тяжеленную лапищу на мою ко-

ротко остриженную башку, сказал:
— Ну что, Финн, так ты у вас в доме хозяин?
Это замечание было, по всей видимости, вызвано тем, что и на лице, и на пальцах, и в волосах у меня зеле-

нели остатки краски и выглядело это, должно быть, так, будто я по-мужски делаю все, чтобы две наших жизни не сошли с рельсов.
— Да, он такой молодчина, — сказала мама, и голос
у нее слегка дрогнул. — Без него я бы нипочем не спра-
вилась.

Я очень любил, когда она говорила так, потому что
в то время мамку выбивал из колеи любой пустяк, хоть мы и жили в доме из армированного бетона с ласточ-киными гнездами на чердаке и соседями, которые мир-

но пили кофе у себя на балконах или часами копались в автомобиле, сунув голову под капот; я и читал, и пи-сал лучше многих ребят, мамка свою зарплату получа-ла день в день каждые две недели, и здесь, вообще го-воря, ничего такого никогда не случалось, но все равно

было ощущение, будто нас с мамкой повсюду окружа-ют опасности и мы только чудом все еще избегаем их,

глава 1

11

пока гром не грянул, как приговаривала мамка, но чему научишься там, где ничего не происходит.

— Знаешь, силы у меня уже не те, — повторяла она по любому поводу, имея в виду — хоть я никогда не спрашивал, а она никогда сама не порывалась объ-яснить — свой развод, он, прямо сказать, сошел на нее как лавина и оказался прологом к череде последую-

щих глав, составивших бесконечную цепь несчастий. Потому что, хоть это и были времена Юрия Гагарина, но определенно не времена разводов, а, наоборот, креп-кой семьи, а отец, уйдя от нас, всего через год ушёл на-веки, как выражалась мамка: погиб в аварии на работе — в Механических мастерских Акера рухнул башенный кран. Я не помню ни отца, ни развода, ни аварии, зато мамка помнит за нас обоих, хотя ничего конкретного, я уж говорил, из нее не вытащишь, например, как он

выглядел или чем любил заняться на досуге, если он случался, а что не любил и откуда был родом или о чем они разговаривали в те счастливые, надо полагать, годы,

что они прожили в ожидании меня; даже фотографии она и то держит при себе, короче говоря, прошлое мы не ворошим.

В кильватере двух этих несчастий последовало еще одно — с пособием, на которое она могла бы рассчи-тывать как вдова; дело в том, что, прежде чем сверзить-

ся с крана, отец мой ухитрился еще раз жениться и ро-дить еще ребенка, девчонку, которую мы даже не зна-ли, как зовут, так что где-то на свете обреталась еще одна вдова отца и получала по праву наши с мамкой деньги и транжирила их на лотерейные билеты, так-си и перманент.

— Ой, даже и не знаю, куда они могли подеваться, — сокрушенно сказала фру Сиверсен, помахивая в воздухе

рой якобсен чудо-ребенок

квитанциями за обои, но без клея. Но теперь, по крайней мере, мама смогла положить всему этому конец своей коронной фразой:
— Ну что ж, теперь нам надо пораскинуть умишком и все как следует просчитать. — И напоследок снова улыбнулась трем девчонкам, которые молча пялились на нас, раскрыв рты, обрамленные молочными боро-дами. — Спасибо, что показали нам такую красоту.

13

Глава 2

У

же на следующий день мы с мамой отправи-
лись в Орволлский торговый центр пригля-
деть обои. И это прям чудо, потому что мамку
мало того, что со всех сторон окружают опас-

ности, ей еще требуется много времени, чтобы тщательно всё обдумать; та зеленая краска, на которую мы вот только что зря ухлопали деньги, возникла, к примеру,

по воле не какой-нибудь случайной прихоти, но тща-тельной работы ума, не прекращавшейся с прошлого Рождества, когда нас пригласила на кофе с печеньем по-жилая пара с первого этажа, а у них все стены оказались не такого цвета, как у нас, и выяснилось, что соседи сами

их перекрасили, кисточкой. А еще в другой раз мама за-шла за мной к моему приятелю Эсси, а там отец семейства перенес дверь, и вход в маленькую комнату стал не из го-

стиной, а из прихожей, так что теперь шестнадцатилет-няя сестра Эсси могла попасть к себе прямо из коридора. И теперь все эти наблюдения, плюс еще то обстоятель-ство, что хозмаг, в который мы пришли, прямо-таки све-тился будущим, возможностями и обновлением, даже ведра с красками и синие рабочие халаты здесь дышали

14

рой якобсен чудо-ребенок

чистотой и оптимизмом, от такого и камень растро-гался бы, короче, все это сошлось воедино и сложилось в решительное заключение.

— Ну вот, — сказала мамка. — Придется нам все-таки
пустить жильца. Без этого никак.
Я с изумлением поднял на нее глаза; мы ведь это уже обсуждали и, как мне казалось, пришли к соглаше-нию, что ни за что не будем сдавать комнату, как бы ту-го у нас ни было с деньгами, потому что в этом случае мне пришлось бы отказаться от собственной комнаты, которую я любил, и перебраться в комнату к маме.
— Я могу спать в гостиной, — сказала она, прежде чем
я успел вякнуть. Так что в этот день дело не ограничилось закупкой обоев и клея, но было еще сочинено объявле-ние в “Рабочую газету” о сдаче комнаты. Снова пришлось обращаться к мужичищу Франку; не смог бы Франк, ко-торый в дневные часы орудовал бульдозером на строи-тельстве новых кварталов, захватывавших все большую часть долины Грурюд-дален, в вечернее время перенести дверь в маленькую спальню, чтобы жильцу (или жиличке) не пришлось ходить туда-сюда через нашу частную жизнь,

не говоря уж о том, чтобы нам в нашей свеже оклеенной обоями гостиной не пришлось терпеть топающего туда-сюда абсолютно чужого человека?
Иными словами, нас ожидали интересные времена. Выяснилось, что плотник из Франка никудышный.
В процессе переноса двери грохоту и грязи было не обе-рись, к тому же работал он все в той же майке с дырка-ми, шумно дышал и жутко потел — и уже с первого ве-

чера начал называть мамку малышкой.
— Ну чё, малышка, ты как кумекаешь, наличники-то те
старые оставить или чё поновее приискать?
— Это смотря во что они станут, — отвечала мать.

глава 2

15

— Тебе, малышка, недорого, у меня везде свои люди.
К счастью, мамке не пришлось по нраву, чтобы ее величали малышкой. А уж фру Сиверсен появлялась у нас как по часам, то чтобы позвать супруга переку-сить, то чтобы сообщить, что мусорная машина сегодня припозднилась. Нужно признать, что я и сам тщатель-но за ними следил, потому что к приходу соседа мам-

ка каждый раз мазалась губной помадой и снимала би-гуди, мне прям недосуг было на улице погулять. Время от времени фру Сиверсен засылала к нам еще старшую дочку, Анне-Берит, и тогда мы вместе наблюдали, как этот здоровенный мужик расправляется с тяжелющи-ми дверными полотнищами и филенками, и как у него на плечах и спине черные волосы, словно прошлогод-

ние кустики травы по весне, торчат из дырок линялой майки, которая с каждой стиркой все больше походила на рыболовецкий трал, а на одежду все меньше; и слу-шали, как он, в промежутках между замахами, постаны-

вает: — Молоток! Гвоздь! Рулетка! — шутливым тоном, чтобы мы ему подавали эти предметы; это было здоро-во. Но когда дверь оказалась наконец на месте, а старый проем, не прошло и недели, был заделан, обшит новыми наличниками и вообще, и зашла речь об оплате, Франк начисто отказался брать деньги.
— Ты рехнулся, — сказала мама.
— Зато, может, у тебя найдется чего выпить, малышка, —
сказал он тихонько, будто благодаря успешно проведен-ной операции у них теперь появился общий секрет. Без толку стояла мамка со своим кошельком, переминаясь

с ноги на ногу и перебирая свеженакрашенным ногот-ком две-три пятерки: смотри, сколько у меня, только на-

зови цену; Франк был и остался джентльменом, так что вместо денег обошелся парой рюмашек кюрасао.